

Annotation

- [Лион Спрэг де Камп](#)
    - [1. ЧЕЛЮСТИ ЗАПАДНИ](#)
    - [2. ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ](#)
    - [3. НЕВИДИМАЯ СМЕРТЬ](#)
    - [4. БЕССМЕРТНАЯ КОРОЛЕВА](#)
    - [5. РУКА ЗИЛЛАХ](#)
    - [6. СУЩЕСТВО ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА](#)
    - [7. ЗАЛ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ](#)
    - [8. ЛИЦО ГОРГОНЫ](#)
    - [9. ТРЕТИЙ ГЛАЗ](#)
-

Лион Спрэг де Камп

Лин Картер

ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ

После событий, рассказанных в новелле «Ведьма будет рождена», Конан повел свою банду зуагирцев на восток, чтобы грабить туранские города и караваны. В то время ему было около тридцати одного года и он был в расцвете физических сил. Почти два года Конан провел с жителями пустыни шемитами, сначала как заместитель Ольгерда, потом как их атаман. Но свирепый и энергичный Король Ездигерд быстро отреагировал на уколы Конана; он послал большие силы, чтобы поймать его.

1. ЧЕЛЮСТИ ЗАПАДНИ

Полуденное солнце палило с огненного купола небес. Жесткие, сухие пески Шан-е-Сорк, Красной Пустыни, обжигали безжалостным огнем, словно в печи. Воздух был неподвижен. На верхушках низких, засыпанных гравием холмов, которые поднимались стеной на краю пустыни, застыло несколько колючих кустов.

За ними не шевелясь приникли к земле солдаты, наблюдая за дорогой. Когда-то стихийные силы природы проделали трещину в откосе. Годы эрозии расширили эту трещину, но проход между крутыми склонами был все еще узок — идеальное место для засады.

Туранские солдаты лежали, укрывшись на вершинах холмов, все эти жаркие утренние часы. Изнемогая в своих плотных туниках и чешуйчатых кольчугах они прижимались к земле воспаленными бедрами и ноющими коленями. Тихо ругаясь, их капитан, эмир Бохра Хан, дежурил вместе с ними. Его горло было сухим, как выжженная солнцем кожа; тело под кольчугой изнемогало от жары. В этой проклятой земле смерти и палящего солнца невозможно было даже нормально потеть; сухой воздух пустыни жадно выпивал каждую каплю жидкости, оставляя человека сухим, как высушенный язык стигийской мумии.

Сейчас эмир мигал и протирал глаза, щурясь от яркого блеска, чтобы еще раз увидеть крошечную вспышку света. Высланный вперед разведчик, скрывавшийся за дюной красного песка, поймал солнечный луч в свое зеркало и отразил его, послав таким образом сигнал своему начальнику, прятавшемуся на вершинах холмов.

Вот уже можно разглядеть облако пыли. Осанистый, чернобородый туранский дворянин ухмыльнулся и забыл про все свои неудобства. Бессспорно, его информатор заработал взятку, которую ему заплатили.

Вскоре Бохра Хан различил длинную линию зуагирских воинов в ниспадающих белых халатах, скачущих на стройных пустынных лошадях. Когда банда разбойников выплыла из облака пыли, поднятого копытами их лошадей, туранский начальник смог даже рассмотреть темные, худые, ястребиные лица своей добычи, очерченные головными уборами — таким чистым был пустынный воздух и так ярко светило солнце. В его венах забурлило удовлетворение, словно красное аграпурское вино из погребов самого короля Ездигерда.

Несколько лет эта банда разоряла и грабила города, фактории и

караванные стоянки на границах Турана — сначала под руководством бессердечного запоросканского бандита Ольгерда Владислава; затем, чуть больше года тому назад, его заменил Конан. Наконец, туранским шпионам в дружелюбных к преступной банде деревнях удалось найти подкупить разбойника из этой банды — некоего Варданеса, не зуагирца, а заморийца. Варданес был кровным братом Ольгерда, которого сверг Конан, и горел желанием отомстить пришельцу, который узурпировал власть в банде.

Бохра задумчиво почесал свою бороду. Заморский предатель, улыбчивый негодяй, нравился туранцу. Невысокий, худой, гибкий, расхаживающий с важным видом, изящный и дерзкий как юный бог, Варданес был великолепным компаньоном по выпивке и дьявольским бойцом, но в то же время хладнокровным и коварным как змея.

Зуагирцы продвигались сейчас по узкому ущелью. И там, во главе всадников, на черной гарющей кобыле скакал Варданес. Бохра Хан поднял руку, чтобы его люди приготовились. Он хотел, чтобы зуагирцы вошли как можно дальше в проход перед тем, как ловушка закроется. Только Варданес должен ее избежать. В тот момент, когда он был за стенами песчаника, Бохра резко махнул рукой.

— Убить этих собак, — прогремел он поднимаясь.

Систящие стрелы пронеслись в солнечном свете, словно смертельный дождь. Через секунду зуагирцы превратились в толпу беспорядочно стреляющих людей и брыкающихся лошадей. Залп за залпом стрелы сметали их. Люди падали, хватаясь за стрелы, которые словно по волшебству вырастали на их телах. Лошади пронзительно ржали, когда острые зубцы наконечников врезались в их пыльные бока.

Пыль поднялась душным облаком, скрыв лежащий внизу проход. Оно стало таким большим, что Бохра остановил на мгновенье своих лучников, чтобы те не тратили понапрасну стрел, стреляя наугад. И этот минутный порыв бережливости свел на нет все достигнутое. Сквозь шумные крики поднялся один глубокий ревущий голос, перекрывающий хаос.

— По склонам наверх, к ним!

Это был голос Конана. А через мгновение появилась гигантская фигура самого киммерийца, атакующего крутой склон на огромном огненном жеребце. Можно было подумать, что только глупец или безумец решится атаковать крутой склон из сыпящегося песка и катящихся камней прямо навстречу неприятелю, но Конан не был ни тем, ни другим. Действительно, свирепая жажда мести заполнила его, но за этим мрачным, темным лицом и глазами, горящими двумя голубыми огоньками под хмурающимися бровями, острый ум бойца делал свою работу. Он знал, что

часто единственным спасением из засады бывает неожиданность.

В изумлении, увидев это, туранские воины опустили свои луки. Карабкаясь на крутые склоны со стороны прохода, из пыльного облака над ущельем прямо на них надвигалась воющая толпа взбешенных зуагирцев, пеших и конных. Через секунду пустынные воины — более многочисленные, чем мог ожидать эмир — с ревом перевалили через гребень, сверкая кривыми саблями, оглашая все вокруг проклятиями и пронзительными, кровожадными криками войны.

Впереди всех двигалась гигантская фигура Конана. Стрелы рвали его белый халат, из под которого выглядывала блестящая кольчуга, защищавшая его львиный торс. Его дикарская нестриженая грива выбивалась из под стального шлема, словно клочки знамени; какая-то стрела порвала его развевающуюся каффию. На своем диком жеребце он был похож на демона из мифа. Конан был вооружен не кривой саблей, которую обычно используют жители пустыни, а большим западным палашом — его любимым из всех видов оружия, которыми он мастерски владел. В его кулаке, на котором был виден глубокий шрам, эта полоска вертящейся сверкающей стали прорезала красный путь сквозь туранцев. Она поднималась и падала, разбрызгивая алые капельки в пустынный воздух. С каждым ударом она крушила доспехи, тела и кости, раскалывая череп там, отрезая конечности здесь, швыряя третью жертву на землю с разрубленными ребрами.

Через каких-то полчаса все было кончено. Туранцы погибли почти все, кроме нескольких человек и их начальника. В разорванной одежде, с окровавленным лицом, хромающего и растрепанного, эмира привели к Конану, который сидел на своем запыхавшемся коне, вытирая запекшуюся кровь со своего стального оружия об халат одного из трупов.

Конан остановил на поникшем командире презрительный взгляд, не без примеси сарднического юмора.

— Значит мы снова встретились, Бохра — произнес он.

Эмир замигал, не веря своим глазам.

— Ты! — выдавил он с трудом.

Конан засмеялся. Десять лет тому назад киммериец служил в туранских наемниках. Бросил свою службу он достаточно поспешно из-за небольшого приключения с женой одного офицера. Настолько поспешно, что не заплатил за проигранное pari тому самому эмиру, который сейчас стоял изумленный перед ним. Теперь, спустя годы, тот же самый Бохра разгромлен в бою своим старым товарищем, чье имя никогда не связывалось у него с именем ужасного главаря пустынных разбойников.

Конан наклонился к нему с прищуренными глазами.

— Вы ждали нас здесь, не так ли? — спросил он.

Эмир опустил голову. Ему не хотелось давать информацию главарю разбойников, даже если они раньше и пьянистовали вместе. Но он слышал слишком много мрачных историй о кровавых методах зуагирцев по вытягиванию сведений из пленников. Толстый и мягкий от многих лет роскошной жизни, турецкий офицер боялся, что не сможет долго хранить молчание под пыткой.

К удивлению его сотрудничество не потребовалось. Конан видел Варданеса, который предупредил передовой пост разведчиков этим утром, мчащегося к дальнему концу прохода как раз перед тем, как ловушка захлопнулась.

— Сколько ты заплатил Варданесу? — неожиданно спросил Конан.

— Двести серебряных шекелей... — пробормотал турецкий офицер. Затем вдруг замолчал, удивленный своим собственным поступком. Конан засмеялся.

— Роскошная взятка, а? Этот улыбающийся жулик — предатель в глубине своего гнилого черного сердца, как и каждый замориец. Он никогда не простит мне смещения Ольгерда! — Конан замолчал, бросая насмешливый взгляд на поникшую голову эмира. Он ухмыльнулся. — Не нужно ругать себя, Бохра. Ты не выдал военной тайны; я обманул тебя. Ты можешь ехать в Аграпур со спокойной совестью.

Бохра в удивлении поднял голову.

— Ты оставляешь мне жизнь? — произнес он.

Конан кивнул.

— Почему бы и нет? Я все еще должен тебе мешок золота за то старое пари, так что позволь мне вернуть долг таким способом. Но в следующий раз, Бохра, когда будешь ставить ловушки на волков, будь осторожней. Иногда ты можешь поймать тигра!

2. ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ

Два дня скачки по красным пескам Шан-е-Сорк, а пустынны разбойники все еще не поймали предателя. Желая побыстрее увидеть кровь Варданеса, Конан подгонял своих людей. Суровый кодекс пустыни требовал Смерти на Пяти Столбах для человека, который предал своих друзей, и Конан должен увидеть, как замориец заплатит эту цену.

Под вечер второго дня они разбили лагерь у небольшого холмика из выгоревшего песчаника, который торчал на рыжем песке, словно обрубок старой разрушенной башни. На суровом, морщинистом лице Конана, загорелом почти до черноты проглядывала усталость. Его жеребец еле дышал от изнеможения, пуская слону сквозь вспенившиеся губы, когда перед мордой животного поставили мех с водой. Позади люди вытягивали уставшие ноги и ноющие руки. Они напоили лошадей и развели костер, чтобы отпугивать диких пустынных собак. Конан услышал шорох веревок, когда из выочных мешков доставали палатки и необходимое снаряжение.

Песок захрустел под сандалиями за его спиной. Он повернулся и увидел морщинистое, усатое лицо одного из своих заместителей. Это был Гомер, шемит с терновыми глазами, крючковатым носом и сальными, черно-голубыми локонами, выбивавшимися из-под складок головного убора.

— Все в порядке? — спросил Конан, после того как вытер уставшего жеребца длинными, медленными скребками жесткой кисти.

Шемит пожал плечами.

— Он все еще едет прямо на юг, — сказал он. — Этот бессердечный дьявол наверно сделан из железа.

Конан резко засмеялся.

— Его кобыла может быть и железная, но не Варданес. Ты увидишь, что он из крови и плоти, когда мы растинем его на столбах и выпотрошим его кишki грифам.

Но в грустных глазах Гомера гнездился смутный страх.

— Конан, ты не хочешь прекратить эти поиски. С каждым днем мы забираемся все глубже в эту страну песка и солнца, где могут жить только змеи и скорпионы. Клянусь дагонским хвостом, если мы не повернем обратно, наши кости останутся здесь белеть навсегда.

— Не думаю, — хмыкнул Конан. — Если какие-то кости и останутся белеть здесь, то это будут кости заморийца. Потерпи Гомер; мы еще

поймаем этого предателя. Может быть даже завтра. Он не сможет все время выдерживать такой темп.

— Но и мы не сможем! — запротестовал Гомер. Он остановился, чувствуя как пылающий голубой взгляд Конана изучает его лицо.

— Это ведь не все, что у тебя на сердце, не так ли? — спросил Конан.

— Говори, парень. Что еще!

Плотный шемит красноречиво пожал плечами.

— Да, действительно. Я... люди чувствуют, — его голос сорвался.

— Говори, парень, или я выбью это из тебя!

— Это... Это Макан-е-Мордан! — вырвалось у Гомера.

— Я знаю. Я слышал об этом «Месте Призраков» раньше. Ну и что? Или ты боишься стариковских басен?

Гомер посмотрел растерянно.

— Это не только басни, Конан. Ты не зуагирец; ты не знаешь этой земли и ее ужасов так, как это знаем мы, живущие долгое время в этих диких местах. Тысячи лет эта земля была проклятым местом призраков, и с каждым часом мы забираемся все глубже в эту дьявольскую страну. Люди боятся говорить тебе, но они наполовину обезумели от ужаса.

— Ты имеешь в виду эти детские суеверия, — проворчал Конан. — Я знаю, что они трясутся от ужаса из-за легенд о призраках и гоблинах. Но это рассказы чтобы пугать детей, а не воинов! Скажи своим друзьям, чтобы они поостереглись. Мой гнев сильнее, чем все эти призраки, которые всегда мертвы!

— Но Конан!

Конан грубо оборвал его.

— Хватит твоих детских ночных страхов, шемит! Я поклялся Кромом и Митрой, что добуду кровь этого заморского предателя или умру, пытаясь это сделать. И если мне придется при этом разбрьзгать немного зуагирской крови, то я без колебаний сделаю это. А теперь хватит ныть и давай выпьем вина. Мое горло сухое, как выжженная пустыня, а все эти разговоры высушили его еще больше.

Похлопав Гомера по плечу, Конан зашагал к лагерному костру, где люди распаковывали копченое мясо, сухой инжир и фиги, козий сыр и кожаные фляги с вином. Но шемит не сразу присоединился к Конану. Он долго стоял, пристально глядя вслед чванливому главарю, который руководил ими почти два года с того времени, когда они нашли Конана полуживого у стен Хорана. Конан был капитаном гвардии на службе у Королевы Хорана Тарамис, пока ее трон не был захвачен колдуныей Селом, объединившейся с Констанцием-Соколом, косским воеводой Свободных

Компаний. Когда Конан, узнав об этом, встал на сторону Тарамис и был разгромлен, Констанций распял его за городом. К счастью Ольгерд Владислав, глава местной банды зуагирских разбойников, проезжал мимо и снял Конана с креста, сказав при этом, что если тот выживет, то он может присоединиться к его банде. Конан не только выжил, но и доказал, что может быть лидером, выгнав со временем Ольгерда из банды и стал руководить ею с того времени и до сегодняшнего дня. Но сейчас пришел конец его руководства. Гомер из Ахарии глубоко вздохнул. Конан скакал перед ним в течении двух последних дней, захлебываясь от зловещего желания мести. Он не осознавал глубины ярости в сердцах зуагирцев. Гомер знал, что хотя они и любили Конана, их суеверный ужас довел их до грани мятежа и убийства. Они могли следовать за киммерийцем до красных ворот Ада, но не дальше в Землю Призраков.

Шемит боготворил своего командира. Но, зная, что ни одна угроза не сможет отклонить киммерийца с пути мести, он мог придумать единственный способ спасти Конана от ножей его собственных людей. Из кармана своего белого халата он достал закупоренный пузырек зеленого порошка. Спрятав его в ладони, он присоединился к Конану у лагерного костра, чтобы распить с ним фляжку вина.

3. НЕВИДИМАЯ СМЕРТЬ

Когда Конан проснулся, солнце было уже высоко. Горячие волны мерцали над бесплодными песками. Воздух был жаркий, неподвижный и сухой, будто небеса были перевернутой бронзовой чашей, нагретой до белизны.

Пошатываясь, Конан поднялся на колени и схватился за лоб. Череп раскалывался так, будто по нему лупили дубинкой.

Конан встал на ноги пошатываясь. Затуманенным взором, ослепленным ярким светом, он медленно осмотрелся вокруг себя. Он был один в этой проклятой безводной земле.

Он прорычал проклятие суеверным зуагирцам. Все люди снялись с лагеря, взяв с собой все снаряжение, лошадей и продукты. Рядом с ним лежали два мешка из козьей кожи с водой. Эти мешки, кольчуга, халат и палаш — вот все, что оставили ему его бывшие друзья.

Он снова упал на колени и вытянул пробку у одного из мешков с водой. Испытывая головокружение от тепловатой жидкости, он прополоскал свой рот от противного привкуса и бережно напился, неохотно вставив пробку обратно после того, как его жгучая жажда была немного утолена. Хотя ему страстно хотелось вылить содержимое мешка на свою ноющую голову, рассудок взял верх. Если он брошен в этой песчаной пустыне, то для того чтобы выжить, нужно беречь каждую каплю воды.

Несмотря на ослепляющую головную боль и неустойчивое состояние рассудка, он смог понять, что же произошло. Несмотря на предупреждения Гомера, его зуагирцы оказались более напуганы этим сомнительным королевством, чем он предполагал. Он сделал серьезную, возможно роковую, ошибку — недооценил силу предрассудков, владевших его пустынными воинами, и переоценил свою собственную силу по управлению и подавлению их. С тяжелым вздохом Конан проклял свою самонадеянность и свою бычью гордость. Если он не усвоит этого получше, то в один прекрасный день может из-за нее умереть.

И возможно этот день уже наступил. Он долго и беспристрастно оценивал свои шансы. Они казались слабыми. Воды у него было на два дня при сокращенном рационе. Или на три, если он станет рисковать сойти с ума, ограничивая ее потребление еще больше. Ни пищи, ни лошади, а значит, ему придется идти пешком.

Ну ладно, значит ему нужно идти. Но куда? Естественным ответом

было двигаться обратно, туда, откуда он пришел. Но против этого направления было несколько возражений. Одно из них, самое весомое, заключалось в расстоянии. Они скакали два дня после того как проехали последний колодец. Пешком человек мог идти в лучшем случае в два раза медленнее лошади. Для него это означало, что возвращаясь пройденным путем ему придется по крайней мере два дня обходиться совсем без воды...

Конан скрипнул челюстями, пытаясь забыть про боль в голове и вытянуть какую-нибудь мысль из своих затуманных мозгов. Возвращаться по своим следам было не самой лучшей идеей, так как он знал что на расстоянии ближе четырех дней пути в том направлении воды нигде нет.

Он посмотрел вперед, где след от бежавшего Варданеса тянулся прямо до самого горизонта.

Может быть, ему нужно продолжать следовать за заморийцем. Пока путь ведет в неизвестную страну, тот факт, что эта земля неизвестна, играл ему на руку. Оазис мог лежать сразу за ближайшей дюной. В таких обстоятельствах трудно было принять разумное решение, но Конан выбрал тот курс, который казался ему разумнее. Опоясавшись халатом над кольчугой и повесив меч через плечо, он зашагал по следу Варданеса с мешками с водой за спиной.

Солнце зависло навсегда в небе из горящей латуни. Оно горело, словно огненный глаз во лбу какого-то гигантского циклопа, глядящего на крошащую, медленно двигающуюся фигуру, которая устало тащилась по палящей поверхности темно-красного песка. Полуденному солнцу потребовалась целая вечность для того, чтобы спуститься по обширному пустому небосклону и умереть в пылающем погребальном костре на западе. Затем пурпурный вечер подкрался украдкой на призрачных крыльях по небесному своду и след благословенной прохлады потянулся через дюны мягкими тенями и легким ветерком.

К этому времени мышцы ног у Конана уже не чувствовали боли. Усталость притупила боль в них и он спотыкаясь шел вперед на ногах, похожих на каменные колонны, движимые колдовством.

Его большая голова поникла на массивную грудь. Он брел в оцепенении, нуждающийся в отдыхе, но ведомый вперед знанием того, что сейчас, во время вечерней прохлады он может пройти большее расстояние с меньшими неудобствами.

В его горле пекло от пыли; его смуглое лицо было кирпично-красного цвета от пустынного песка. Он выпил глоток воды час тому назад и не мог

позволить себе пить пока не станет так темно, что не будет видно следа Варданеса, по которому он шел.

Его сны этой ночью были путанными и беспокойными, заполненными ужасными лохматыми фигурами с одним горящим глазом в их мерзких лбах, которые избивали его обнаженное тело плетями из раскаленных цепей.

Когда он проснулся, то увидел, что солнце уже высоко и перед ним лежит еще один жаркий день. Подняться было настоящей пыткой. В каждом мускуле пульсировала кровь, словно крошечные иголки были загнаны ему глубоко под кожу. Но он все-таки поднялся, немного попил и пошел вперед.

Вскоре он потерял ориентацию во времени, но все еще неутомимая машина его воли вела его вперед, шаг за шагом. Его мысли блуждали по призрачным путям иллюзий. Но он все еще держал в голове три задачи: идти по отпечаткам копыт, беречь воду и устоять на ногах. Он знал, что если однажды упадет, то больше не поднимется. И если он упадет во время этого обжигающего дня, его кости долгие годы будут сохнуть и белеть в этой красной пустыне.

4. БЕССМЕРТНАЯ КОРОЛЕВА

Замориец Варданес остановился на вершине холма и посмотрел вниз на панораму такую странную, что от удивления он онемел. Вот уже пять дней после того, как неудачная засада на зуагирцев стала плачевной для самих туранцев, он скакал как безумный, изредка урывая для себя и для своей кобылы час или два для отдыха. Страх был таким сильным, что отнял все его мужество и все время подгонял его вперед.

Он хорошо знал мстительность этих пустынных разбойников. Его воображение было заполнено болезненными сценами той цены, которую взыщут с его тела угрюмые мстители, если он когда-либо попадет им в руки. Он знал, что этот дьявол Конан вытянет имя предателя из Бохры Хана и с воем помчится за ним с кровожадной бандой зуагирцев. Не стоит надеяться, что они легко откажутся от поисков предавшего их товарища.

Его единственным слабым шансом было пробраться в не оставляющие следов просторы Шан-е-Сорк. Хотя Варданес родился в городе, был культурным и утонченным, судьба свела его с пустынными разбойниками и он хорошо их знал. Он знал, что они очень боятся имени Красной Пустыни и что их первобытное воображение насиляет ее разными монстрами и дьяволами, каких только можно придумать. Почему пустынные жители так боялись Красной Пустыни, он не знал да и не беспокоился об этом до тех пор, пока их страхи могли удерживать их от преследования очень далеко в эту мертвую землю.

Но они не повернули назад. Он оторвался от них так незначительно, что день за днем мог видеть облака пыли, поднимаемые зуагирскими всадниками за его спиной. Он двигался вперед постоянно, ел и пил в седле, и довел свою лошадь до грани истощения, пытаясь увеличить этот небольшой разрыв.

Спустя пять дней он не знал, идут ли они по его следу; но это уже его мало волновало. Запасы воды и еды для него и для его кобылы закончились, и он двигался вперед со слабой надеждой найти колодец в этой бесконечной пустыне.

Его лошадь, вся в сухой грязи от пустынной пыли, приставшей к взмыленным бокам, шатаясь шла вперед, словно мертвая вещь, ведомая волей какого-то волшебника. Сейчас она была близка к смерти. В этот день она семь раз падала и только удары плети заставляли ее снова подниматься на ноги. Так как она уже не могла выдерживать его веса, то Варданес шел

пешком, ведя ее за поводок.

Красная Пустыня взяла страшную дань и с самого Варданес. Некогда изящный, как смеющийся молодой господин, сейчас превратился в изможденный, выжженный солнцем скелет. Налитые кровью глаза свирепо смотрели сквозь спутавшиеся, липкие волосы. Его распухшие, потрескавшиеся губы шептали бессмысленные молитвы Иштар, Сету, Митре и другим божествам. Когда он и его трясущаяся лошадь взобрались на гребень очередной гряды дюн, он посмотрел вниз и увидел цветущую зеленую равнину, усыпанную группами изумрудно-зеленых фиговых пальм.

Посреди этой плодородной долины лежал маленький каменный город, обнесенный стеной. Выпуклые купола и приземистые сторожевые башни возвышались над ошкуатуренной стеной там, где были установлены большие ворота, отражавшие солнце своими полированными, бронзовыми петлями.

Город в этой выжженной пустыне? Цветущая равнина с зелеными деревьями, мягкими газонами и лотосными прудами в сердце этой суровой глуши? Невозможно!

Варданес пожал плечами, закрыл глаза и облизал потрескавшиеся губы. Это наверное мираж или фантом его тронувшегося рассудка! Но тут у него в голове пронеслось воспоминание о полуза забытой истории, которую он узнал в годы юношеской учебы много лет тому назад. Это был фрагмент легенды об Ахлате Проклятом.

Он попытался ухватиться за нить воспоминания. Это было в старой стигийской книге, которую его учитель шемит всегда держал запертой в шкатулке из сандалового дерева. Тогда Варданес, молодой парень, был благословлен или проклят жаждым любопытством и ловкими пальцами. Однажды, темной ночью он вскрыл отмычкой этот замок и сосредоточенно изучал с благоговением и отвращением одновременно зловещие страницы мрака самой древней черной магии. Покрытый паутиной на страницах из драконьего пергамента, текст описывал странные ритуалы и церемонии. На страницах были загадочные иероглифы древнейших королевств злых колдунов, подобных Ахерону и Лемурии, которые процветали и погибали на заре веков.

Среди этих страниц были фрагменты какой-то черной мессы, предназначеннной для вызова неумирающего демонического создания из темного царства по ту сторону звезд, из хаоса, который, по словам древних магов, царил за границами космоса. Одна из этих месс содержала упоминание о «облюбованном месте демонов, проклятом дьявольском

Ахлате в Красной Пустыне, где могучие безумные колдуны вызвали себе на горе в наземную сферу Демона из Потустороннего Мира... Ахлат, в котором Неумирающее создание правила рукой ужаса с тех самых дней... обреченный, проклятый Ахлат, отвергнутый истинными богами, превративший все земли вокруг себя в выжженную пустыню...»

Варданес все еще сидел на песке у головы своей тяжело дышащей кобылы, когда воины с угрюмыми лицами схватили его и понесли вниз с гряды каменистых холмов, которые окружали город, — вниз, в цветущую долину фиаловых пальм о лотосных прудов — вниз, к воротам Ахлата Проклятого.

5. РУКА ЗИЛЛАХ

Конан поднялся медленно, но в этот раз по-другому. Раньше его пробуждение было болезненным, он с трудом открывал склеившиеся веки, щурясь от огненного солнца, медленно вставал в полный рост и шел шатаясь через раскаленные пески.

В этот раз он проснулся легко, с блаженным чувством пресыщения и комфорта. Под его головой лежали шелковые подушки. Плотный навес с кисточками бахромы защищал от солнца его тело, которое было чистым и обнаженным, если не считать свежей набедренной повязки из белого льна.

Он мгновенно вскочил с чувством сильной настороженности, словно животное, чья выживаемость в диком мире зависит от этой способности. Он осмотрелся вокруг подозрительным взглядом. Первой его мыслью было, что смерть взяла его и что сейчас его дух несется за облаками в первобытный рай, где Кром, бог его народа, сидит на троне между тысяч героев.

Рядом с его шелковой кушеткой стоял серебряный кувшин с свежей, чистой водой.

Спустя мгновение, Конан поднял свое мокре лицо от кувшина, понимая, что каким-бы ни был рай, в котором он находится, он реальный и осозаемый. Он глубоко напился, хотя состояние его горла и рта говорило ему, что его уже не мучит обжигающая жажда, как во время его блужданий по пустыне. Наверно, какой-то караван нашел его и отнес к этим палаткам для лечения и оказания помощи. Посмотрев вниз, Конан увидел, что его руки, ноги и торс начисто отмыты от пустынной пыли и смазаны целебным бальзамом. Кем бы ни были его спасатели, они кормили и лелеяли его, пока он бредил или спал на пути к выздоровлению.

Он огляделся вокруг палатки. Его большой палаш лежал поперек сундука из черного дерева. Он бесшумно подкрался к нему, словно осторожная кошка джунглей, затем замер, услышав за собой звяканье воинской сбруи.

Однако музыкальный звук исходил не от воина, а от стройной девушки с глазами молодого оленя, которая только что вошла в палатку и стояла, глядя на него. Темные яркие волосы свободно спадали до ее талии и на этих косах были нанизаны крошечные серебряные колокольчики. От них и исходило это слабое позвякивание.

Конан быстро осмотрел девушку: молодая, почти ребенок, стройная и

милая, с бледным телом, которое соблазнительно просвечивалось из под прозрачного покрывала. Драгоценные камни искрились на ее тонких белых руках. По золотым браслетам и по взгляду ее больших, темных глаз Конан предположил, что она принадлежит близкому к шемитам народу.

— О! — вскрикнула она. — Ты еще слишком слаб, чтобы стоять! Тебе нужно больше отдыхать, чтобы восстановить свои силы! — Ее язык был диалектом шемитского, полный архаичных форм, но все же достаточно близкий к шемитскому, чтобы Конан мог его понимать.

— Глупости, девочка, я вполне нормально себя чувствую, — ответил он на том же языке. — Это ты позаботилась обо мне здесь? Сколько времени прошло с того времени, как вы нашли меня?

— Нет, чужеземный господин, это был мой отец. Я Зиллах, дочь Еноша, лорда из Ахлата Проклятого. Мы нашли твоё тело среди бескрайних песков Пустыни три дня тому назад, — ответила она, закрывая свои глаза шелковыми ресницами.

«О боги!» — подумал он, но это была порядочная девушка. Конан не видел ни одной женщины уже много недель и сейчас откровенно изучал выпуклые контуры ее гибкого тела, соблазнительно спрятанные под прозрачным покрывалом, яркий румянец на ее щеках.

— Так это твои приятные руки заботились обо мне, да, Зиллах? — сказал он. — Я благодарен тебе и твоему отцу за ваше сострадание. Я был очень близок к смерти, честное слово. Как вам повезло наткнуться на меня? — он безуспешно попытался вспомнить про город, называемый Ахлат Проклятый, хотя ему казалось, что он знает все города в южных пустынях, если и не посетив некоторые из них, то по крайней мере услышав о них.

— Это было не случайно; мы искали тебя, — сказала Зиллах.

Глаза у Конана сузились, когда его нервы напряглись, предчувствуя опасность. Что-то в неожиданном отвердении его суворого, бесстрастного лица говорило девушке, что он был человеком с быстрой, животной вспыльчивостью, опасным человеком, не похожий на мягких, кротких горожан, которых она знала.

— Мы не причиним тебе вреда! — возразила она, поднимая одну тонкую руку защищаясь. — Лучше следуй за мной и мой господин все тебе объяснит.

Какое-то время Конан стоял, напряженно размышляя, не Варданес ли послал этих людей по его следу. Серебра, которое тот получил от туранцев, хватило бы на то, чтобы купить души с пол сотни шемитов.

Затем он расслабился, сознательно успокаивая кровь, которая

забурлила в нем. Он взял свой меч и перебросил перевязь через плечо.

— Тогда веди меня к этому Еношу, девочка, — сказал он спокойно. — Я послушаю его рассказ.

Она вывела его из комнаты. Конан расправил свои обнаженные плечи и пошел за ней.

6. СУЩЕСТВО ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Енош сосредоточенно изучал морщинистый, выцветший от времени свиток сидя в кресле из черного дерева с высокой спинкой, когда Зиллах привела к нему Конана. Эта часть палатки была завешена темной пурпурной материей, толстые ковры заглушали их шаги. На подставке, сделанной в виде переплетенных змей из мерцающей латуни, было установлено черное зеркало удивительной работы. Сверхъестественный свет струился из его черных глубин.

Енош поднялся и приветствовал Конана вежливой фразой. Это был высокий пожилой мужчина, стройный и прямой. Его голову покрывал белоснежный льняной головной убор. Его лицо носило печать возраста и размышлений, а в темных глазах можно было прочесть усталость от долгой печали.

Он предложил своему гостю сесть и приказал Зиллах принести вина. Когда формальности были выполнены, Конан резко спросил:

— Почему вы стали искать меня, о Шейх?

Енош бросил взгляд на черное зеркало.

— Хотя я и не чародей, сын мой, я могу использовать некоторые средства не совсем естественные.

— Как получилось, что вы искали меня?

Енош поднял тонкую, с голубыми прожилками вен руку, чтобы успокоить подозрительность воина.

— Будь терпелив, мой друг, и я все объясню, — сказал он спокойным, глубоким голосом. Подойдя к низкому столику, он положил рядом свиток и принял серебряную чашу вина.

Когда они выпили, старик начал свою историю:

— Давным-давно коварный колдун из этой ахлатской земли затеял интригу против древней династии, которая правила этой землей со времен падения атлантов, — сказал он медленно. — Коварными словами он внушил народу мысль, что их monarch — слабый, потакающий своим слабостям человек — их враг, и люди поднялись и бросили глуповатого короля в трясину. Объявив себя жрецом и пророком Неизвестных Богов, колдун притворился, будто на него снизошло вдохновение. Он утверждал, что один из богов скоро спуститься на землю, чтобы править Ахлатом

Праведным — как только его позовут — в образе человека.

Конан фыркнул.

— Вы, ахлатцы, кажется, не менее легковерны, чем все остальные нации, с которыми я встречался.

Старик слабо улыбнулся.

— Всегда легко поверить в то, чего сам желаешь. Но план этого черного колдуна был более ужасным, чем кто-либо мог вообразить. Мерзкими, загадочными ритуалами он вызвал к бытию дьявольскую тварь Оттуда, чтобы она была богиней нашему народу. Сохраняя свою колдовскую власть над ней, он представлял себя как выразителя ее божественной воли. Сраженный благоговейным трепетом, народ Ахлата скоро застонал под тиранией намного худшей, чем та, которую они терпели от старой династии.

Конан по-волчьи ухмыльнулся.

— Я вижу, что мятежи часто возводят правительства, которые хуже тех, что были смещены.

— Возможно. При любых оценках этот был одним из них. И со временем дела пошли еще хуже; так как колдун потерял власть над демонической Тварью, которую вызвал из Потустороннего Мира, и она уничтожила его и стала править на его месте. И правит до сегодняшнего дня, — мягко закончил он.

Конан содрогнулся.

— Это создание что, бессмертное? Когда все это произошло?

— Лет прошло больше, чем песчинок в этих пустынях, — сказал Енош. — И все еще богиня является верховной властью в печальном Ахлате. Секрет ее могущества в том, что она высасывает жизненные силы из живых созданий. Вся эта земля вокруг нас была когда-то зеленой и плодородной, укрытая фиговыми пальмами, ручейками и травянистыми холмами, на которых паслись тучные стада. Ее вампирная жажда жизни иссушила всю землю, осталась только долина, где находится город Ахлат. Его она приберегла, так как без жизни, из которой можно тянуть соки, она не сможет поддерживать свое собственное существование.

— Кром! — прошептал Конан, осушая свою чашу вина.

— В течении веков, — продолжал Енош, — эта земля превращалась в мертвую и стерильную пустыню. Наша молодежь уходила утолять темную жажду богини, как и животные из наших стад. Она питалась ежедневно. Каждый день она выбирала жертву, и каждый день запас их жизненных сил все сильнее истощался. Когда она атаковала одну жертву непрерывно, день за днем, ее хватало на несколько дней или даже на пол месяца. Самые

сильные и могучие могли выдержать около тридцати дней, пока она не истощала их запас жизненных сил и не должна была приступать к следующему.

Конан нежно погладил рукоятку своего меча.

— Кром и Митра! Стариk, почему вы не убили эту тварь?

Стариk слабо покачал головой.

— Она неуязвима, неубиваема — сказал он мягко. — Ее плоть состоит из субстанции, высосанной ею из своих жертв, и удерживается вместе непобедимой волей богини. Стрела или меч могут ранить эту плоть: но заживить рану для нее пустячная вещь. А жизненные силы, которые она пьет из других, оставляя от них сухие оболочки, дают ей ужасный запас внутренней силы, из которой она заново создает свою плоть.

— Сожгите ее, — прорычал Конан. — Зажгите дворец над ее головой или разрежьте ее на маленькие кусочки, чтобы пламя или костер могли их уничтожить!

— Нет. Она защищает себя темной силой адской магии. Ее оружие парализует всех, на кого она смотрит. Не меньше сотни воинов пробирались в Черную Часовню, чтобы положить конец ее ужасной тирании. От них ничего не осталось кроме живого леса неподвижных людей, из которых был устроен банкет для ненасытного монстра.

Конан тревожно пошевелился.

— Странно, что кто-то еще живет в этой проклятой земле, — громко сказал он. — Как эта мерзкая кровопийца до сих пор не высушила всех людей в этой долине до последнего человека? И почему вы не соберете свои пожитки и не покинете этого облюбованного демонами места?

— На самом деле мало кому из нас удалось уйти. Она потребляет нас и наших животных быстрее, чем природный прирост может восстановить потери. Многие годы эта ведьма насыщала свою жажду небольшой жизненной силой растущих зеленых растений, щадя людей. Когда земля превратилась в пустынью, она стала пожирать наши стада, потом наших рабов и наконец принялась за самих ахлатцев. Скоро мы все исчезнем, а Ахлат превратится в большой город смерти. Но мы не можем покинуть эту землю, потому что энергия богини удерживает нас в узких границах, за которые мы не можем выйти.

Конан потряс своей головой, его нестриженная грива слегка касалась обнаженных бронзовых плеч.

— Ты рассказал грустную историю, стариk. Но для чего ты повторяешь ее мне?

— Из-за старого пророчества, — вежливо сказал Енош, поднимая

поношенный и морщинистый свиток с табурета.

— Какого пророчества? Енош частично развернул свиток и указал на строки письма такой древней формы, что Конан не смог их прочитать, хотя и овладел шемитской письменностью в свое время.

— В положенный час, — сказал Енош — когда наш конец был близок, Неизвестные Боги, от которых отвернулись наши предки ради поклонения демонам, смягчили свой гнев и послали освободителя, который победил богиню и разрушил ее дьявольскую мощь. Ты, Конан из Киммерии, — этот спаситель...

7. ЗАЛ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Дни и ночи Варданес лежал в сырой тюремной камере под Черной Часовней Ахлата. Он и кричал, и умолял, и рыдал, и проклинал, и молился, но часовые в бронзовых шлемах, с тусклыми глазами и холодными лицами не обращали на это никакого внимания, заботясь лишь о его физических потребностях. Они не отвечали на его вопросы. И не хотели брать взяток, что очень удивляло его. Варданесу, типичному заморийцу, было трудно понять людей, которые не жаждали богатства. Кроме того, эти странные люди с их архаичной речью и старомодным вооружением так мало интересовались серебром, которое он получил от туранцев в плату за свое предательство, что они даже позволили его набитому монетами седельному мешку спокойно лежать в углу его камеры.

Однако о нем они заботились хорошо, мыли его изможденное тело и натирали его волдыри целебной мазью. И они кормили его роскошно прекрасной жареной дичью, сочными фруктами и сладостями. Они даже дали ему вина. Познакомившись с другими тюрьмами в свое время, Варданес сейчас осознавал, как это все необычно. Могут ли они, размышлял он беспокойно, откармливать его, чтобы потом зарезать?

И вот однажды стражники пришли в его камеру и вывели его наружу. Он предположил, что наконец предстанет перед каким-нибудь магистратом, чтобы ответить на какие бы то ни было абсурдные обвинения, которые могут предъявить ему обвинители. В нем возросла уверенность. Он не знал ни одного магистрата, чью благосклонность нельзя было бы приобрести с помощью серебра из его седельного мешка!

Но вместо суда или дознания его привели по темным и извилистым переходам к крепким дверям из позеленевшей бронзы, которые стояли перед ним словно ворота самого ада. Эти ворота были закрыты на три замка и на засов, и были достаточно прочны, чтобы противостоять армии. С напряженными руками и каменными лицами, воины открыли большую дверь и втолкнули Варданеса вовнутрь.

Когда дверь захлопнулась за ним, замориец обнаружил, что находится в удивительном зале из полированного мрамора. Этот зал тонул в глубоком мраке и толстом слое пыли. Везде были видны следы разрушений, которые никто не пытался починить. Он с любопытством двинулся вперед.

Был ли это большой тронный зал или трансепт какой-то колоссальной часовни? Трудно сказать. Наиболее заметной особенностью в этом

обширном, сумрачном холле, если не считать его заброшенность, были статуи, установленные в нем группами. В голове обеспокоенного Варданеса появилось множество вопросов.

Первой загадкой был материал, из которого сделаны статуи. Несмотря на то, что сам зал был сделан из гладкого мрамора, статуи были сделаны из какого-то тусклого, безжизненного, серого, пористого камня. В нем было что-то отталкивающее. Он выглядел как мертвый древесный пепел, хотя и был на ощупь твердым как сухой камень.

Второй загадкой было удивительное мастерство неизвестного скульптора, чьи одаренные руки сотворили эти чудеса искусства. Они были словно живые в каждой детали до непередаваемой степени: каждая складка предметов туалета или ткани была копией настоящей одежды; была видна каждая прядь волос. Эта удивительная точность была даже в позах. Никакой героической расцветки, никакого монументального величия не было видно в этих могильных образах из тускло-серого, как штукатурка, материала. Они стояли в живых позах в группах и по два десятка и по сотне. Они были разбросаны здесь и там без всякого видимого порядка. Здесь были изваяны воины и дворяне, юноши и девушки, трясущиеся от слабости старики и дряхлые старухи, цветущие дети и ручные младенцы.

Но у всех была одна тревожная общая характерная особенность: у каждой фигуры в ее каменных чертах было выражение невыносимого ужаса.

Издалека, из глубины этого темного места Варданес услышал слабый звук. Это было, словно звук многих голосов, но такой слабый, что нельзя было разобрать ни одного слова. Причудливый диапазон шепотов проносился через лес статуй. Когда Варданес подошел поближе, он смог различить составляющие звука, которые сливались вместе: медленные, раздирающие сердце рыдания, слабые, агонизирующие стоны, смутный лепет молитвы, квакающий смех; монотонные проклятия. Эти звуки выходили, казалось, из полусотен глоток, но заморище не видел ни одного их источника. Хотя он всматривался по сторонам, он не видел ничего, кроме себя и тысяч статуй.

Пот струился по его лбу и тонким щекам. Внутри рос безотчетный страх. В глубине своего вероломного сердца ему хотелось оказаться за тысячи лиг от этой проклятой часовни, где чьи-то голоса ужасно стонут, плачут, лопочут и смеются. Вдруг он увидел золотой трон. Он стоял посреди зала, возвышаясь над головами статуй. Глаза Варданеса жадно пожирали блеск золота. Он двинулся сквозь каменный лес к нему.

Что-то восседало на этом богатом троне — сморщившаяся мумия давно умершего короля? Худые руки были сложены на впалой груди. От горла до пяток тонкое тело было завернуто в пыльный саван. Тонкая маска из кованого золота, сделанная в виде женщины неземной красоты, лежала поверх лица.

Приступ жадности участил тяжелое дыхание Варданеса. Он забыл про свои страхи, так как между бровей этой золотой маски сверкал, словно третий глаз, огромный черный сапфир. Это был поразительный драгоценный камень, достойный выкупа любым принцем.

У подножия трона Варданес алчно смотрел на золотую маску. Глаза были выгравированы так, словно они закрыты во сне. Сладкий и прекрасный спал вялый полногубый рот на этом милом золотом лице. Огромный темный сапфир вспыхнул страстным огнем, когда Варданес коснулся его.

Дрожащими пальцами замориец снял маску. Под ней было коричневое, сухое лицо. Щеки впали, плоть была твердой, сухой и жесткой. Он поежился от этого недоброжелательного выражения на лице мертвеца.

Вдруг тот открыл свои глаза и посмотрел на него. С криком Варданес отпрянул назад, маска выпала из его безжизненных пальцев, звякнув о мраморный пол. Мертвые глаза в лице черепа встретились с его собственными. Затем Создание открыло свой третий глаз.

8. ЛИЦО ГОРГОНЫ

Конан пробирался сквозь зал серых статуй на босых ногах, крадучись по пыльным тенистым проходам, словно большая кошка джунглей. Тусклый свет пробегал по острому краю могучего палаша зажатого в его огромной руке. Его глаза смотрели из стороны в сторону. В этом месте воняло смертью; запах страха тяжело висел в неподвижном воздухе.

Как он только позволил старому Еношу уговорить себя на эту авантюру? Он был никакой не освободитель, никакой не избавитель, никакой не святой человек, посланный богами, чтобы освободить Ахлат от бессмертного проклятия дьявола. Его единственной целью была кровавая месть.

Но мудрый, старый шейх сказал много слов, и его красноречие убедило Конана взяться за эту рискованную миссию. Енош указал ему на два факта, убедивших даже недоверчивого варвара. Один заключался в том, что попав в эту землю, Конан удерживался здесь черной магией и не мог покинуть этих мест, пока богиня не будет убита. Другой заключался в том, что заморский предатель, замурованный под Черной Часовней богини, скоро окажется перед лицом смерти, которое, если от него не отвернуться, полностью его уничтожит.

Итак, Конан пробрался по потайному подземному ходу, который показал ему Енош. Сейчас он появился из скрытого прохода в стене этого просторного, мрачного зала, так как Енош знал, когда Варданеса отведут к богине.

Как и замориец, Конан тоже заметил изумительный реализм серых статуй; но в отличие от Варданеса он знал ответ на эту загадку. Он отводил взгляд от выражений ужаса на каменных лицах вокруг него.

Он тоже слышал скорбные причитания и крики. Когда он подошел ближе к центру огромного зала, рыдающие голоса стали яснее. Он увидел золотой трон и высущенный предмет на нем, и бесшумно подкрался к блестящему креслу.

Когда он приблизился, одна статуя вдруг заговорила с ним. От шока он чуть не потерял самообладания. По телу побежали мурашки, а на лице выступил пот.

Затем он увидел источник голоса и его сердце сильно заколотилось. Так как статуи вокруг трона были не совсем мертвыми. Они были каменными до шеи, но головы еще жили. Грустные глаза врашивались на

отчаявшихся лицах, а сухие губы умоляли его размозжить своим мечом мозги этих почти — но еще не полностью окаменевших созданий.

Затем он услышал звук хорошо известного голоса Варданеса. Неужели богиня убила его врага до того, как он смог дать волю своей жажде мщения? Он прыгнул вперед в сторону трона.

Там его взору представилось ужасное зрелище. Варданес стоял перед троном, глаза его метались по сторонам, губы лихорадочно шевелились. Ухо Конана уловило каменный скрежет, и он посмотрел на ноги Варданеса. Там, где ступни заморийца касались пола, по ним медленно поднималась бледная серость. На глазах у Конана теплая плоть белела. Серая волна достигла колен Варданеса. И Конан увидел, как постепенно плоть ног превращается в пепельно-серый камень. Варданес пытался отойти, но не мог. Когда он заметил Конана, его голос перешел в пронзительный крик нескрываемого страха затравленного животного.

Существо на троне засмеялось низким, сухим смешком. Когда Конан посмотрел на него, мертвая, сухая плоть его костистых рук и морщинистое горло увеличились и разгладились; вместо мертвого, жесткого коричневого цвета оно наливалось живыми тонами теплой плоти. С каждым вампирическим глотком жизненной энергии, которую Горгона высасывала из тела Варданеса, ее собственное тело наполнялось жизнью.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан.

Каждым атомом своих мозгов сконцентрировавшись на полуокаменевшем заморийце, Горгона не обратила на Конана никакого внимания. Сейчас ее тело наполнилось. Она расцвела; мягкие округлости талии и бедер выпирали из-под тусклого савана. Увеличились ее женские груди, натягивая тонкую материю. Она вытянула плотные, молодые руки. Ее влажный, темно-красный рот раскрылся от звонкого смеха — на этот раз музыкального, сластолюбивого смеха полнотелой женщины.

Волна окаменения подобралась до бедер Варданеса. Конан не знал, оставит ли она Варданеса полуокаменевшим как и тех, что стояли рядом с троном, или высушит его до конца. Замориец был молодой и полный жизни; его жизненные силы были обильным урожаем для богини-вампира.

Когда каменная волна подобралась до задыхающейся груди заморийца, он издал другой крик — самый ужасающий звук, который Конану когда-либо приходилось слышать из человеческих уст. Реакция Конана была инстинктивной. Словно атакующая пантера, он вскочил из своего укрытия за троном. Свет пробежался по краю его лезвия, когда он махнул им. Голова Варданеса отскочила от туловища и упала на мраморный пол с мясистым чмоканьем.

Потрясенное таким ударом тело пошатнулось и упало. Оно с грохотом рухнуло на пол и Конан увидел, как окаменевшие ноги треснули и раскололись. Каменные куски разлетелись в разные стороны, а из трещин в окаменевшей плоти сочилась кровь.

Так умер предатель Варданес. Даже Конан не мог сказать, ударил ли он от жажды мести или из-за благородного порыва прекратить пытку беспомощного создания.

Конан повернулся к богине. Не задумываясь, он инстинктивно встретился своим взглядом с ее глазами.

9. ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Ее лицо было маской нечеловеческого очарования; ее влажные губы были спадали через плечи из сверкающего жемчуга волнами шелковой ночи спадали блестящие, черные волосы, из-под них выпирали круглые луны ее грудей. Она была воплощением красоты — если не считать большого темного глаза между ее бровями.

Третий глаз встретился со взглядом Конана и мгновенно приковал его. Этот овальный глаз был больше любого человеческого органа зрения. Он не делился на белок, зрачок и радужную оболочку, как глаза людей; он был целиком черный. Его взгляд, казалось, провалился в него и потерялся в бесконечных просторах темноты. Конан восхищенно смотрел, забыв про меч в своей руке. Глаз был такой же черный, как и лишенные света просторы между звездами.

Ему казалось, что он стоит на краю черного, бездонного колодца, в который сползает и падает. Он падал вниз, вниз сквозь черный туман, сквозь обширную, холодную бездну абсолютной темноты. Он знал, что если сейчас не отведет свои глаза, то будет потерян для мира навсегда.

Он сделал колоссальное усилие воли. Пот выступил у него на лбу; мускулы под кожей корчились, словно змеи. Его глубокая грудь поднялась.

Горгона смеялась — низким мелодичным звуком с холодной, жестокой насмешкой. Конан вспыхнул, и волна бешенства поднялась в нем.

Усилием воли он оторвал свои глаза от этого черного ока и уткнулся лицом в пол. Слабый и ошеломленный, он пошевелил своими ступнями. Когда он собрался силами и поднялся в полный рост, то он бросил взгляд на свои ступни. Хвала Крому, они были еще из теплой плоти, а не из холодного пепельного камня! То время, что он стоял околдованный пристальным взглядом Горгоны, было лишь коротким мигом, слишком небольшим, чтобы каменная волна успела подобраться к его телу.

Горгона снова засмеялась. Склонив лохматую голову, Конан почувствовал давление ее воли. Мускулы его шеи вздулись от усилия удержать голову наклоненной.

Он все еще смотрел вниз. Перед ним на мраморной мозаике лежала тонкая золотая маска с огромным сапфиром, изображающим третий глаз. И неожиданно Конан понял.

В этот раз, когда он поднял свой взгляд, он взмахнул мечом. Сверкающее лезвие рассекло пыльный воздух и достигло насмешливого

лица богини, разрубив третий глаз пополам.

Она не двигалась. Своими двумя обычновенными глазами потрясающей красоты она молча смотрела на сурового воина, ее лицо было пустым и белым. Волна изменений пробежала по ней.

Вниз по лицу нечеловеческого совершенства из разруленного третьего глаза Горгоны текла черная жидкость. Словно черные слезы, медленно стекали капли из разбитого органа.

Затем она начала стареть. Как темная жидкость вытекала из поврежденного глаза, так и похищенные жизненные силы веков выходили из тела. Ее кожа темнела и покрывалась тысячами морщин. Образовался сухой двойной подбородок. Блестящие глаза стали тусклыми и мутными.

Благородный живот прогнулся и сморщился. Гладкие конечности стали сухопарыми. Долгое мгновение карликовая, сухая форма крошечной женщины, невыразимо дряхлой, тряслась на троне. Затем плоть превратилась в тонкие клочки и рассыпавшиеся кости. Тело рухнуло, рассыпавшись по мозаике пола жесткими кусками, крошившимися под ногами Конана в бесцветную пепельную пудру.

Протяжный вздох пробежал по залу. Зал потемнел, будто полупрозрачные крылья заслонили тусклый свет. Затем все прошло и из воздуха исчезло чувство многовековой угрозы. Холл стал просто пыльной, заброшенной, старой комнатой, лишенной сверхъестественного ужаса.

Статуи уснули навсегда в могилах из вечного камня. По мере уменьшения Горгоны ее заклинания теряли силу, включая и те, что удерживали живых мертвцев в ужасном подобии жизни. Конан развернулся и ушел, оставив пустой, покрытый пылью трон и разбитую, обезглавленную статую, которая когда-то была смелым, утонченным заморским бойцом.

— Оставайся с нами, Конан! — упрашивала Зиллах своим низким, мягким голосом. — Теперь, когда мы освободились от проклятия, такому человеку, как ты, здесь, в Ахлате найдется высокая, почетная должность.

Он тяжело ухмыльнулся, чувствуя что-то более личное в ее голосе, чем желание хорошего горожанина привлечь достойного иммигранта к восстановлению гражданской жизни. Под оценивающим взглядом его горячих мужских глаз она засмущалась.

Лорд Енош повторил своим мягким голосом просьбы своей дочери. Победа Конана вдохнула новую силу и молодость в старого человека. Он стоял прямой и высокий, в его шагах появилась твердость, а в голосе командирские нотки. Он предлагал киммерийцу богатство, почет,

положение и власть в возрожденном городе. Енош даже намекнул, что был бы не прочь сделать Конана своим зятем.

Но Конан, зная свою непригодность к мирной жизни, скучной респектабельности, которую ему предлагали, отказался от всех предложений. Вежливые фразы неохотно слетали с губ человека, который многие годы провел на полях сражений, в винных магазинах и в увеселительных домах городов разных стран. Но со всем тактом, который его простая, варварская натура смогла наскастить, он отказался от всех просьб приютившего его человека.

— Нет, друзья, — сказал он, — мирные задачи не для Конана из Киммерии. Я скоро заскучу, а когда меня одолевает скука, то преодолеть ее помогают немногие средства: напиться, подраться или подцепить девочку. А добропорядочные граждане, для которых я спас город, сейчас ищут мира и спокойствия, чтобы восстановить его силу!

— Но куда ты пойдешь, о Конан, сейчас, когда магические барьеры разрушены? — спросил Енош.

Конан пожал плечами, провел рукой по своей черной шевелюре и засмеялся.

— Клянусь Кромом, мой добрый сир, я не знаю. К счастью для меня, слуги богини кормили и поили лошадь Варданеса. В Ахлате, как я погляжу, нет ни одной лошади, только ослы, а такая огромная фигура, как у меня, будет выглядеть глупо, трясясь на маленьком сонном осле и цепляясь ногами за дорожную пыль.

— Я думаю, я отправлюсь на юго-восток. Где-то там находится город Замбула, в котором я никогда не был. Люди говорят, что этот город богат на пирушки и попойки, где вино свободно течет по кишкам. Мне хочется попробовать забавы Замбулы, увидеть, что возбуждающее там могут предложить.

— Но тебе не нужно покидать нас нищим, — возразил Енош. — Мы многим тебе обязаны. Позволь дать тебе за твои труды немного золота и серебра.

Конан покачал своей головой. Побереги свои сокровища, шейх. Ахлат — не богатая метрополия, и вам понадобятся ваши деньги, когда купеческие караваны снова станут прибывать сюда через Красную Пустыню. А сейчас, когда мой мешок для воды полон, провизии в изобилии, мне пора отправляться. В этот раз я проведу путешествие через Шан-е-Сорк с комфортом.

С последним, оживленным прощанием, он вскочил в седло и помчал легким галопом из долины. Они стояли, глядя ему вслед, Енош гордо, а

Зиллах со слезами на щеках. Вскоре он исчез из виду.

Достигнув верхушек дюн, Конан остановил черную кобылу и бросил последний взгляд на Ахлат. Затем он поскакал в Пустыню. Возможно, он поступил глупо, не взяв их скромных запасов ценностей. Но ему хватит и того серебра, что тяжело позякивало в седельном мешке за его спиной. Конан ухмыльнулся. Зачем вздорить из-за нескольких шекелей, как грязный торговец? Человеку полезно бывать иногда добродетельным. Даже киммерийцу!